

Предисловие к русскому изданию

Для меня большая честь — представить российским читателям свой труд по истории России и ее империи в раннее Новое время. Это исследование, касающееся основных политических, социальных и экономических институтов России, не является московско-центричным. Я стремилась продемонстрировать в первую очередь этническое и религиозное разнообразие империи, показывая, как созданная московскими властями система управления (то, что я называю «империей различий»), вступала во взаимодействие с многочисленными народами внутри империи.

Такой подход начал формироваться еще в годы моего обучения в аспирантуре, где у меня было два блестящих наставника — Эдуард Л. Кинан (1935–2015) и Омелян Прицак (1919–2006). Оба они читали историю России и Украины, как я поняла позже, в умеренно-евразийском духе. Отвергая русский национализм и геополитический империализм евразийцев, Кинан и Прицак, подобно им, стремились к широкому географическому охвату. Нас, аспирантов, они побуждали не замыкаться в государственных границах, а изучать глобальное взаимодействие, определявшее облик мира на пороге раннего Нового времени: торговые пути, культурные контакты, связи в религиозной сфере, завоевания, переселения. Чтобы не было перекоса в сторону традиционного сравнения России с Европой, они предлагали смотреть на восток и на юг, узнавать о связях России с Османской империей и Персией, о дальневосточной торговле. Они приобщили нас к медленным ритмам лесов, степи, Шелковых путей, соединивших народы и культуры, служивших для торговли. Я попы-

талась хотя бы отчасти показать, как эта историческая энергия проявлялась в экспансии и институциональном развитии многочисленных народов и территорий, входивших в состав России.

Читатель наверняка обратит внимание на то, что в списках литературы, приложенных к каждой главе, даются в основном работы на английском языке. Это сделано по просьбе издательства «Oxford University Press». Я не стала ничего менять, решив, что русскому читателю известны исследования на его родном языке, а труды на английском могут послужить интересным дополнением к ним.

Я посвящаю свою книгу Эдуарду Л. Кинану, блестящему исследователю Московского государства XVI–XVII веков. Он делал так, что история оживала, знакомя нас с повседневной реальностью взаимодействия цивилизаций, происходившего благодаря — а иногда и вопреки — языку, религии и культуре. Мне очень не хватает его.

Введение

Русская империя, 1450–1801

Как описать империю раннего Нового времени, если речь идет о более чем трехвековом периоде? Множество регионов, экономических укладов, этнических групп — и изменений, происходивших в течение этого срока. К 1801 году русская империя простиралась от Польши до Тихого океана, от Арктики до Каспийского и Черного морей и была населена десятками народов, культурное наследие и исторический опыт которых чрезвычайно различались между собой. В задачи правителей России — великих князей до 1547 года, царей до 1721 года, императоров после этой даты — входило расширение территории государства для приобретения производительных ресурсов (людских и материальных) и поддержание стабильности, достаточной для того, чтобы мобилизовать приобретенные ресурсы. Им приходилось сталкиваться со всевозможными проблемами. Главной из них были расстояния («враг империй», пользуясь емким выражением Фернана Броделя), к которым добавлялись яростные бунты, постоянное бегство податного населения, сопротивление элит некогда суверенных государств. Однако правителям страны удавалось решать задачи, связанные с имперской экспансией, мобилизацией ресурсов и управлением, и в результате Россия на протяжении рассматриваемого периода превратилась из покрытой лесами области на окраине Европы и Евразии в крупнейшего геополитического игрока на обоих этих пространствах. Наша цель — выяснить, как московские правители добились этого,

уделяя должное внимание громадному этническому, религиозному, социальному и политическому разнообразию их империи. Мы исследуем не только то, каким образом империя достигла могущества и как она управлялась, но и то, кем были ее многочисленные подданные и как страна пришла (если пришла) к социальному и политическому единству.

Подвести концептуальную базу под такой масштабный проект, охватывающий период протяженностью более трех столетий и территорию в тысячи квадратных миль, нелегко — велик риск представить постоянно меняющуюся реальность как нечто застывшее или наложить на прошлое современные категории. Применительно к России и то, и другое делали часто: в раннее Новое время, начиная с XVI века, страну клеймили как «деспотичную», а ее народ — как «нецивилизованный», преимущественно в сравнении с Европой. Эти эпитеты, ставшие нормативными, являются еще и либо телеологичными (предполагается, что Россия шла по тому же пути, что и европейские страны, но отставала от них), либо эссенциалистскими (предполагается, что русские никогда не смогут усвоить западные ценности). К счастью, недавние исследования дают возможность избежать упрощений, говоря о государстве и обществе в России раннего Нового времени. С 1970-х годов авторы научных трудов (преимущественно в США) начали изучать механизмы функционирования самодержавия, и образ всемогущего царя был отвергнут. Стало ясно, что политический процесс протекал и при самодержавии — монарх проводил совещания с наиболее влиятельными персонами и их семьями; их мнение учитывалось при принятии решений, и в целом управление государством держалось на этих семьях. Таким образом, для власти самодержца имелись неявные ограничения, связанные как с религиозной идеологией, так и с объективными факторами — географией, расстояниями, редким населением. Новый импульс исследованиям русской империи придал распад Советского Союза: в Европе, США, постсоветских республиках появились ценные труды, посвященные сообществам, жившим в этой империи. Эти новые работы хороши отсутствием телеологичности, согласно которой

империя непременно должна превратиться в национальное государство, отсутствием стандартной критики империи как таковой и помещением русской империи в евразийский контекст. Их авторы вовсе не утверждают, что политика, основанная на консенсусе, как-либо подрывала безраздельное полновластие царя, однако заставляют нас трезво рассмотреть силы, с помощью которых самодержавный центр управлял страной.

Для наших целей особенно плодотворной оказалась модель «империи различий», созданная несколькими учеными: Джейн Бербанк, исследовавшей Россию, Фредериком Купером, изучавшим Африку, и Кэрин Барки, специалистом по Османской империи. Все эти империи управлялись из единого центра, но на языки, этническую принадлежность и верования покоренных народов никто не покушался — в них видели залог социальной стабильности. Эта концепция не нова. Не кто иной, как Никколо Макиавелли, в своем «Государе» (опубликованном в 1532 году, через пять лет после его смерти) указал на три варианта действий, доступные завоевателю в том случае, если «завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы»¹. «Первый — разрушить; второй — переселиться туда на жительство; третий — предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружелюбность».

Именно такой подход взяли на вооружение русская, Османская, Сефевидская, Могольская и Китайская империи, возникшие после заката империи монголов. В этих обширных континентальных государствах, крайне разнообразных по этническому, конфессиональному и языковому составу, власть соразмеряла выгоды от контроля со стороны центра с выгодами от сохранения внутриобщинной стабильности. Для разработки идеологий и стратегий, служивших основой правления, использовалось наследие чингизидов в сочетании с заимствованиями из других культур (в России — из византийской, в Османской империи —

¹ Здесь и далее цитаты из «Государя» даются в переводе Г. Муравьевой.

византийской и исламской, в Китае — конфуцианской и буддистской, в могольской Индии — индуистской). Том Олсен напоминает, что такие империи раннего Нового времени являлись «громкими коллекторами, которые улавливали, накапливали и хранили инновации, порожденные различными народами и культурами». В свою очередь, Альфред Рибер выявил общие стратегии управления и идеологии, возникавшие вдоль «евразийских границ», от Венгрии до Китая. В империях, о которых идет речь, обнаруживаются одни и те же военные технологии, методы делопроизводства, языки, коммуникационные сети, идеологии и подходы к управлению, основанные на уважении к различиям.

Россия развивалась как часть Евразии, благодаря чему познакомилась с разнообразными примерами проведения «политики различий» и строительства империи. Приобретенные ею территории можно представить как три полосы — южная, степная и область северных лесов; они простирались с востока на запад и отличались друг от друга в геологическом и историческом отношении: на этих землях проживали народы, ставшие соединительным звеном между Европой и Азией. Самая южная полоса, которая простиралась от Средиземного и Черного морей на восток, была регионом с большими, густонаселенными городами и плотной сетью торговых путей. Для удовлетворения потребностей местных обществ в продовольствии, предметах роскоши и, главное, невольниках служили издавна существовавшие маршруты — как морские, так и сухопутные. Наиболее известным из всех был Великий шелковый путь, пересекавший степную зону в широтном направлении (и имевший меридиональные ответвления): он использовался для перемещения людей и товаров, распространения идей. Сама степная зона представляла собой вторую полосу, располагавшуюся севернее «цивилизованного» городского мира. К ней примыкала третья — область северных лесов, изобиловавших ценными ресурсами, такими как невольники и меха. Реки, которые текут с севера на юг, обеспечивали связь между тремя полосами — «лесной», «степной» и «городской» — еще с гомеровских времен, когда янтарь с Балтики уже поступал в Средиземноморье и Причерноморье.

Земли, в конечном счете оказавшиеся под контролем России, стали представлять интерес для евразийских империй в IX веке, с прокладыванием торговых путей между Балтикой с одной стороны и Каспийским и Черным морями — с другой. В этом регионе возникло крупное княжество под названием Русь с центром в Киеве — городе на Днепре, по которому проходил важный торговый путь в Византию. Время его наивысшего политического могущества пришлось на XI век. В XII–XIII веках оно, как и многие средневековые государства, распалось на более мелкие княжества в связи с перемещением торговых путей. Этих наследников Киевской Руси притягивали перспективы торговли на западе, в регионах Балтики и верхней Волги. Именно в последнем и возникло Московское княжество, сделавшееся в XV веке региональной державой. Подъем русской империи в какой-то мере обозначил новую стадию имперского строительства в Евразии. Ранее в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, на евразийских просторах, на Дальнем Востоке возникало множество империй, но все они исчезали с течением времени. Римская и Монгольская империи, различные китайские династии могли служить примером успешной экспансии и долговечности, но обычным для Евразии явлением — особенно в степи — были постоянно меняющиеся коалиции, претендовавшие на контроль над частью степной зоны или над сравнительно небольшими регионами. Начиная с XV века обширные континентальные империи стали более эффективно удерживать власть и контролировать степь, благодаря усовершенствованиям в коммуникациях, бюрократическом аппарате, военном деле. С XV по XVIII век империи с оседлым крестьянским населением — Османская, Габсбургская, Сефевидская, Могольская, русская, Цинская — постепенно подчинили себе степь. На страницах нашей книги мы рассмотрим, какую роль сыграла Россия во время этого исторического поворота.

Для создания империи был необходим жесткий контроль со стороны центра, для поддержания ее единства — гибкость в управлении, подразумевавшая целый набор средств (принуждение, привлечение к сотрудничеству, идеология). Крайности

встречались нечасто, но и без них имелось множество механизмов мобилизации, если речь шла о властях, и приспособления, если речь шла о подданных. Чарльз Тилли определяет эти средства так: «принуждение, капитал и обязательства» — именно эта формула послужит структурной основой для нашей работы. На практике необходимо было соблюдать баланс между ними. Принуждение было главным средством, оно использовалось постоянно и широко — как для установления контроля (жестокое завоевание, подавление оппозиции), так и для его последующего удержания (взятие заложников, телесные наказания, смертная казнь, создание постоянной угрозы). Однако империям раннего Нового времени не хватало людских ресурсов, чтобы осуществлять контроль при помощи одного принуждения, поэтому на вооружение принимались и другие стратегии, позволявшие утвердить свою легитимность и управлять страной.

Для формирования имперской легитимности решающее значение имела способность утверждать, что такая легитимность уже наличествует. Империи «транслировали» свое могущество, заявляя о своем контроле намного более решительно, чем могли действовать их представители на местах. В имперском центре выковывалась наднациональная идеология, которая обычно ассоциировалась с религией правителей и узкого круга элиты: то была попытка выработать обязательства (пользуясь выражением Тилли). Судя по тому, что отмечают Кэрин Барки и Джеффри Хоскинг в отношении соответственно Османской империи и России, такая наднациональная идеология не идентифицировалась исключительно с иерархами и институтами господствующей религии (если же это происходило, то в ущерб тем и другим). Ее творцы уважали религиозных вождей, конструировали свои ритуалы и свой символический словарь вокруг преобладающей религии, но оставляли идеологический контроль за собой. В этой идеологии правители часто наделялись качествами религиозных лидеров, как и многими другими, династия состояла из харизматических героев, способных защитить царство от врагов, а своих подданных — от несправедливости. Согласно евразийской традиции, справедливость и милосердие, проявляющиеся в судебных

решениях и в щедрых дарах, были главными атрибутами имперских правителей. Мы рассмотрим все эти способы легитимизации идеологии и политической практики в том виде, в каком они существовали в России.

Помимо идеологии, для удержания власти в империи необходимо соблюдать хрупкий баланс между сплоченностью и контролем — Тилли называет это капиталом. Государство создает институты для упорядочения работы рынков, сбора налогов, контроля над населением, пополнения рядов армии и чиновничества, присвоения ресурсов, распределяемых затем между представителями господствующих классов, чтобы вознаградить их или привлечь на свою сторону. Сплоченность среди элиты сохраняется благодаря раздаче денег, поступающих от сбора налогов, и земель, предоставлению разнообразных привилегий. Такие институты, как судебная система и административный аппарат, обслуживают население и одновременно используются для контроля над ним. Подданные могут «приспособиться», по выражению Альфреда Рибера, поступив на военную или гражданскую службу либо выбрав путь культурной ассимиляции. Но в то же время имперский центр старается не допустить слишком большой сплоченности (слишком высокой степени интеграции внутри местных сообществ). Правители империй, как русской, так и Османской (которую изучала Кэрин Барки), стараются идти по среднему пути, привлекая кого-либо к сотрудничеству, поддерживая вертикальные каналы связи между собой и различными общинами, более или менее изолируя последние — и их элиты — друг от друга. Барки называет эту модель «ступица и спицы», Джейн Бербанк говорит об «имперском режиме прав»: правители заключают с каждой группой особую «сделку» (термин принадлежит Брайану Беку) относительно ее обязанностей и прав.

Таким образом, «политика различий» приносит центру прямую выгоду. Если говорить о России, то здесь предметом «сделок» были налоговые ставки, военная служба, сохранение местных религиозных практик, местного самоуправления и элит. Группы, с которыми приходилось иметь дело, были чрезвычайно разно-

образными — конные дворяне и их крепостные, донские и украинские казаки, сибирские оленеводы, кочевники-степняки, прибалтийские помещики-юнкеры немецкого происхождения. Каждая находилась в вертикальном подчинении у царя и имела связи в правящих кругах. В теории у подданных не было никаких причин для установления горизонтальных связей за пределами своего класса или территориального сообщества, посредством которых они могли бы наладить взаимопомощь, организовать управление и, что самое важное, сформировать оппозицию режиму. Таким образом, страна оставалась единой, хотя это единство было не слишком прочным, в ней сохранялась внутренняя стабильность. Чтобы максимально эффективно применять эту стратегию, режим должен был проявлять гибкость, постоянно возвращаясь к обсуждению условий «делок» ввиду меняющихся обстоятельств.

Россия раннего Нового времени заимствовала практики управления из множества источников. Сильное влияние в этом смысле оказали монголы. На протяжении нескольких столетий, последовавших за принятием христианства киевскими князьями (988), различные практики в политической, судебной, культурной, идеологической сферах, а также ритуалы и символические представления перенимались у Византии и у других православных стран. Центральная власть искусно обуздывала народы, крайне непохожие друг на друга в этническом, религиозном и языковом отношении.

И последний вопрос, который мы затронем во введении: почему Россия приступила к строительству империи? В наши дни среди историков задавать его не принято: любой ответ имел и до сих пор имеет политическую окраску. Экспансия России оказалась чрезвычайно масштабной и быстрой. В течение одного лишь XVII века ее первопроходцы промчались через азиатский континент с запада на восток, и Россия поставила под свой контроль всю Сибирь, а также дальневосточное побережье и Аляску. На юге у Османской империи была отвоевана часть побережья Черного моря, на западе Россия вместе с европейскими партнерами осуществила три раздела Речи Посполитой.

В работах времен холодной войны эта экспансия рассматривалась как мессианская, конечной ее целью считалось покорение всего мира. Одни исследователи связывают буйный экспансионизм России с «византийским наследием» (неверно понимая византийскую идеологию), другие вспоминают о призывах Маркса к установлению социализма по всем мире или подхватывают его осторожные замечания об азиатском пути к социализму, развивая на их основе теорию «азиатского деспотизма», третьи указывают на концепцию «Москва — третий Рим» («Москва — третий Рим, а четвертому не быть») как доказательство намерения Москвы управлять всем миром, хотя данная фраза почти не имела хождения при дворе и получила некоторое распространение лишь в XVII веке в консервативных кругах.

При таком нормативном подходе не учитывается тот факт, что и соседи Московского государства строили империи — Османскую, Могольскую, Сефевидскую, а европейские державы обзаводились колониями в Новом Свете, Южной и Юго-Восточной Азии и захватывали земли в самой Европе. Что касается Европы, там основанием для экспансии служили религиозные соображения (XVI век), затем меркантилизм (XVII век) и, наконец, смесь реальной политики и только начинавших появляться националистических и расовых теорий (XVIII век). Государства расширяли свою территорию, как только это становилось возможным благодаря усовершенствованиям в мореплавании, военном деле, административном контроле, системе сбора налогов.

Россия создавала империю по тем же причинам, что и ее соседи, а именно — чтобы добиться выгод для правителя и элиты и заполучить ресурсы для государственного строительства, которое было одним из главных отличительных признаков раннего Нового времени в Европе и Евразии. Для России это означало захват прибыльных торговых путей — речных и сухопутных, — городов и портов, покорение богатых ресурсами областей (таких как Сибирь), продвижение на юг с его пастбищами на плодородных землях, которые хорошо подходили для земледелия, и к Великому шелковому пути, и на запад, к балтийским портам. Эти завоевания сопровождались самой разнообразной риторикой:

возвращение «отчих земель», борьба с «неверными» (XVI век), погоня за славой (XVIII век). Однако если внимательно посмотреть на направления и хронологию российской экспансии, становится ясно, что в каждом случае для нее имелись экономические и политические мотивы.

Утверждения о российском «деспотизме» выглядят устаревшими, но все же многие историки могут оспорить предложенный здесь подход, указав, что Россия была «унитарным» государством, где действия властей не сдерживала ни одна сколь-нибудь заметная политическая автономия. На принуждении со стороны центра особенно склонны делать акцент те, кто изучает историю различных народов, входивших в состав империи: теперь, после распада СССР, это можно делать беспрепятственно. Точно так же в постсоветской России отдельные исследователи сосредотачиваются на власти правителя, не принимая во внимание недавних работ, где подчеркивается, сколь важны были для придворной политики родственные и дружеские связи. В подобных трудах имеющиеся факты истолковываются не так, как в этой книге: я полагаю, что в раннее Новое время сильный центр не мог эффективно осуществлять контроль без значительных уступок элите, а длительный контроль с помощью силовых методов был вообще невозможен: для этого попросту не хватало коммуникаций и людских ресурсов. Таким образом, мы утверждаем, что могущество и стабильность России как империи были следствием синергии между сильной центральной властью и властью местной, которой во многих случаях предоставляли существенную свободу. Государство располагало неделимым суверенитетом, когда речь шла о принципиальных вопросах, связанных с управлением: об уголовном праве, налогообложении, наборе войска, обороне. Как мы покажем, русская империя упорно стремилась сохранять за собой контроль на этом уровне, вводя единое для всей обширной страны законодательство и создавая единый административный аппарат, в то время как европейские державы не препятствовали складыванию местной знати и формированию локальных центров власти. Но для того, чтобы сохранять равновесие внутри этой идеологической и административной струк-

туры, империя разрешала местным сообществам самостоятельно решать многие повседневные проблемы и зависела в этом от них. Если примерить к России той эпохи современный термин «великая держава», то придется признать, что она *была* ею — именно благодаря сильному центру, допускавшему локальные различия и контролировавшему их.

Итак, наш подход заключается в том, чтобы проследить за формированием русской империи как «империи различий». Он требует предельного внимания к практикам управления, но одновременно — учета различий между народами, населявшими страну. От нас также потребуется гибкость: исследуя, каким образом Москва осуществляла свою власть и как это отражалось на ее подданных, мы попытаемся рассмотреть взаимодействие между ними, проследить за разработкой и применением различных политик для различных регионов, выяснить, как государство меняло политику по отношению к подданным в связи с появлением новых экономических реалий, геополитических нужд и идеологий. Кроме того, евразийскую империю невозможно понять вне глобального контекста, в который входят торговые пути и геополитическое взаимодействие; мы будем постоянно держать в уме этот контекст.

При описании того, как московские великие князья и цари подчиняли себе региональную власть, мы будем применять хронологический подход, делая отступления тематического характера. Несмотря на существование множества работ на русском, украинском и других языках постсоветского пространства, мы включили в библиографию преимущественно англоязычные труды как самые доступные для наших читателей. Тем не менее, в ней присутствуют важнейшие труды на русском, упоминаемые в тексте.

В части I дается описание территорий и народов, которые русская империя вобрала в себя с XV по XVIII век. В части II мы рассмотрим имперский центр и структуры управления в период их формирования, то есть в XVI и XVII веках, подробно остановимся на ключевых институтах и практиках в таких сферах, как идеология, государственная администрация, экономика и тор-

говля, религия, общественная жизнь. В части III, посвященной 18-му столетию, самому блестящему для империи, мы коснемся классического водораздела в русской истории. Считается, что Петр I (годы правления 1682–1725) совершил настоящую революцию. Мы так не полагаем — при нем сохранялась преемственность в базовых аспектах государственного строительства (имперская экспансия, институты управления, мобилизация ресурсов, терпимость к различиям). Но это столетие выделяется своим динамизмом: население страны заметно увеличилось за счет как естественного роста, так и территориальных приобретений, наблюдался бурный экономический рост, благодаря Просвещению появились новые дискурсы, модели управления и культурные образцы. Мы увидим, как обновлялся официальный имперский дискурс, как стратегии управления менялись в зависимости от новых завоеваний и появления новых идей, как возникали новые социальные категории и роли. В конце мы рассмотрим представления правителей и литераторов относительно значения империи и идентичности в том виде, в каком они сложились к 1801 году.

* * *

Есть несколько превосходных трудов, посвященных русской империи, в которых проводятся неявные параллели с государствами Европы и Нового времени: Lieven D. *Empire: The Russian Empire and its Rivals*. London: J. Murray, 2000; Hosking G. *Russia: People and Empire, 1552–1917*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. Авторы, стремящиеся к ценностно-нейтральному подходу: Becker S. *Russia and the Concept of Empire* // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. P. 329–342; Miller A. *The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery* // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / Ed. by K. Matsuza. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 19–32; *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. English edn. rev. and enl. Budapest: Central European University Press, 2008, особенно глава «The Empire and Nation in the Imagination of Russian Nationalism», p. 161–179. По широте охвата и синтезу выделяется труд: Rieber A. *The*

Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

О клише «деспотизма»: Poe M. A People Born to Slavery // *Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000; Kollmann N. The Concept of Political Culture in Russian History // *A Companion to Russian History* / Ed. by A. Gleason. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 89–104. Обзор современных взглядов на придворную политику см. в дискуссии между Валери Кивельсон и Маршаллом По: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. № 3. P. 473–499. О концепции «Третьего Рима»: Poe M. *Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a «Pivotal Moment»* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. № 49. P. 412–429.

О концепции империи: Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2010; Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. № 7. P. 397–431; Stanziani A. *Bâisseurs d'empires: Russie, Chine et Inde à la croisée des mondes, XVe–XIXe siècle*. Paris: Raisons d'agir, 2012.

О ранних империях: Allsen T. Pre-modern empires // Bentley J. *The Oxford Handbook of World History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 361–378. Прасенджит Дуара считает, что империи раннего Нового времени и Нового времени сущностно различались между собой (Duara P. *Modern Imperialism* // Bentley J. *The Oxford Handbook of World History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 379–395), но Бербанк и Купер (*Empires in World History*) настаивают на их преемственности в эпоху становления национальных государств.

О широком понятии империи в России: Kivelson V. *Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. О «сепаратных сделках»: Bock V. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Ч. Тилли о государственном строительстве в раннее Новое время: Tilly C. *States, State Transformation, and War* // Bentley J. *The Oxford Handbook of World History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 176–194; Тилли Ч. *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.*

Об Османской империи: Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Kafadar C. *Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State*. Berkeley: University of California Press, 1995. О восприятии монгольских и индийских традиций Великими Моголами: Wink A. *Postnomadic Empires: From the Mongols to the Mughals // Tributary Empires in Global History* / Ed. by P. Bang, C. Bayly. Oxford: Palgrave Macmillan, 2011. P. 120–131; Wink A. *Akbar*. Oxford: One World, 2009. О Китае: Brook T. *The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties*. Cambridge, Mass., and London: Belknap Press, Harvard University Press, 2010.

Пролог

Хронологические рамки

В нашей работе мы будем придерживаться тематического подхода, при этом темы мы будем рассматривать в хронологическом порядке, а подробное изложение событий останется на заднем плане. Иногда оно будет встречаться внутри глав: так, например, в главах 7 и 13, посвященных имперской идеологии, мы прервемся, чтобы рассказать о превратностях наследования престола, скрывавшихся за уверенными притязаниями на богоданную власть, которая беспрепятственно передается преемнику. В некоторых случаях события и институции упоминаются для того, чтобы читатель мог получить базовый запас знаний. Пролог же представляет собой краткий обзор истории России в раннее Новое время, данный по хронологическому принципу и сосредоточенный на политических обстоятельствах: сначала мы касаемся внутренних событий, затем внешней политики.

ВНУТРЕННИЕ СОБЫТИЯ

Великое княжество Московское — современные англоязычные исследователи часто пользуются термином «Muscovy», «Moskovia», применительно к России до 1700 года, что отражает английское словоупотребление XVI века, — сделалось региональной державой в XIV веке вследствие ослабления Монгольской империи, которая с 1240-х годов господствовала на пространстве, ныне занятом Европейской Россией. Восточнославянские кня-

жества подчинялись самому западному улусу этой империи, столицей которого был Сарай в низовьях Волги; правильное его название — Кипчакский каганат, самое распространенное — Золотая Орда. С начала XV века московские великие князья, опираясь на приближенных, упрочивали свою власть и покоряли близлежащие княжества (великое княжество Тверское, Новгород — крупный торговый центр), о чем подробно говорится в главе 2. Налоги, собираемые князьями с крестьян, проживавших на этих редконаселенных территориях, были невелики — необходимо было дополнять их поступлениями от транзитной торговли, которая велась вдоль крупных рек. По этой причине территориальная экспансия происходила постоянно. Расширение владений в направлении основных центров торговли, речных путей, территорий, богатых ресурсами (меха, полезные ископаемые, плодородные почвы) являлось неизменным императивом для Московского государства, которое в XVI веке приобрело Поволжье и часть Сибири, в XVII — большую часть Сибири вплоть до Тихого океана, земли у Черного моря и в прикаспийских степях, в XVIII веке установило контроль над северным побережьем Черного моря, Крымом, Северным Кавказом, землями, сегодня относящимися к Украине, Белоруссии и Литве, и даже обзавелось владениями в Северной Америке, на другом берегу Тихого океана (см. карты 2-5).

Московские великие князья (с 1547 года именовавшиеся царями) правили страной, где всегда не хватало людей для армии и бюрократического аппарата и тем более — для производительного труда, обеспечивающего налоговые поступления. Государство всецело сосредоточилось на мобилизации скудных ресурсов, поэтому общественное устройство в раннее Новое время долго оставалось очень примитивным (см. главу 9). Офицерский корпус армии состоял из представителей землевладельческой элиты; крестьянская экономика была настолько автаркичной, ориентированной на внутренние нужды, а внешняя торговля так жестко контролировалась государством, что городской средний класс сформировался лишь в малой степени. Начиная с Ивана III (1462–1505), власть оказывала элите поддержку, раздавая конным

воинам земельные наделы и крестьян, а взамен требуя службы; эти наделы назывались поместьями. На протяжении следующих столетий крестьяне постепенно закрепощались, чтобы военная элита располагала трудовыми ресурсами (см. главу 10). Государство создало на всей своей территории сильную, хотя и слабо-разветвленную бюрократическую систему; представители конной элиты стали появляться не только в армии, но и в местных государственных учреждениях, опираясь на канцелярских служащих. Каждый подданный великого князя был обязан служить государству, платя налоги и предоставляя услуги (крестьяне и горожане) либо участвуя в военных и торговых предприятиях (землевладельческая элита, крупные купцы).

В то время как в XV веке происходило расширение и укрепление контроля над соседями и внутри правящей семьи, XVI век был периодом административной организации и завоевания важных неславянских торговых центров. Иван IV, царствовавший в 1533–1584 годах, заслужил прозвище «Грозный», и не случайно: историки до сих пор поражаются его жестокости, символом которой стала опричнина (1564–1572). Разделение страны, войска и элиты на две части привело к хаосу, усугубленному долгой Ливонской войной (1558–1581). Династия угасла вместе с сыном Ивана IV, Федором Иоанновичем (1584–1598). Отсутствие правил наследования вызвало политический кризис, который, в свою очередь, привел к социальным потрясениям и иностранному вторжению — «большие люди» и боярские семейства целое десятилетие не могли договориться между собой относительно того, кто станет законным правителем. Смутное время (1598–1613; см. настоящий раздел и главу 6) стало периодом кратких царствований, причем смена власти не всегда была мирной: Борис Годунов (из московских бояр; 1598–1605), Лжедмитрий I (претендент на престол, 1605–1606), Василий Шуйский (из московских бояр; 1606–1610), захват поляками Кремля и переговоры с польским королем Сигизмундом Вазой и его сыном Владиславом (1610–1613). После этого бояре пришли к соглашению, трон заняла династия Романовых, и вскоре государство смогло восстановить стабильность в стране.

Стремясь к стабильности, новая династия сохранила прежние государственные институты (централизованный бюрократический аппарат, крепостное право, пристальный контроль над ресурсами), элиты (бояр и поместную конницу) и цели (территориальную экспансию). Были произведены военные реформы, начались социальные преобразования, происходил экономический рост. Господствующая культура и господствующая идеология по-прежнему основывались на учении Русской православной церкви, и на протяжении XVII столетия формы, в которых находила свое выражение культура, оставались явно «средневековыми», если сравнивать Россию и значительную часть ее европейских соседей. Светского искусства, как и письменности или науки, не существовало; культурное самовыражение определялось в основном религией — это касалось искусства, архитектуры, агиографии, истории. Книгопечатание не приветствовалось ни церковью, ни государством; Россию не затронула бурная протестантская Реформация XVI века, хотя к концу XVII века она нашла здесь кое-какой отклик и оказала определенное влияние (см. главу 13). Но за фасадом традиции шли перемены. В XVII–XVIII веках империя постепенно становилась многоэтнической и многоконфессиональной: ее населяли мусульмане, буддисты, католики, лютеране, иудеи, говорившие на самых разных языках, включая украинский, белорусский, татарский, языки народов Сибири, польский, немецкий. Из Украины проникали новейшие европейские тенденции в области искусства, архитектуры, политической мысли.

Петр I (1672–1725) рос в атмосфере перемен, которые сделали возможными прославившие его имя реформы. За одно поколение он произвел культурную европеизацию элит, заимствовал из Европы одну из разновидностей «абсолютистской» политической мысли, создал громадные по размерам армию и флот, ориентируясь на европейские образцы, реорганизовал центральные государственные институты. Все это было призвано служить долгосрочным политическим целям России — расширению империи и мобилизации ресурсов — без угрозы для самодержавной власти или православной веры. Петр совершил небольшие, но очень важные территориальные приобретения и добился геополити-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru